

Еврейский муж лично присутствовал на кухне, равно как и ходил на рынок. [...] Он с радостью спешил с покупками домой, где встречал восхищенное одобрение жены. [...] В пятницу муж помогал начищать посуду и с любовью присоединялся к своей жене, которая накрывала стол ради достойной встречи Невесты Субботы. [...] У еврейской жены был любящий свой дом супруг [господин, хозяин – lord] [...] Еврейский дом был местом самых трогательных и вдохновляющих религиозных обрядов [...]

Нравственное отношение [средневековых евреев] к проблеме отношений между мужчиной и женщиной было уникально безупречно. [...]

Верность ожидалась от мужа в той же степени, что и от жены. Он должен был любить ее, уважать ее и быть верным ей. К жене обращались с лаской и уважением. [...]

Распространенная ошибка состоит в том, чтобы полагать, будто еврейская жизнь позаимствовала один из основных своих цивилизующих элементов у европейского мира. Я имею в виду моногамию. [...]

Если обязанности родителей по отношению к детям и наоборот описаны в галахе слишком неполно, то этот пропуск о многом говорит. Хотя бы в этом случае еврейское сердце дало волю чувствам. [...]

Та учтивость в отношениях между детьми и родителями, которая появилась в Англии одно или два поколения назад, в еврейской жизни бытовала на протяжении столетий. [...]

Средневековая нечувствительность к личной гигиене в случае евреев компенсировалась их семитскими инстинктами. [...]

Еврей, прежде всего, был внимателен ко всем, с кем состоял в близких отношениях. Зависть, гнев, жестокость – все это было табуировано в еврейском доме.

*Каменные дома евреев. Дом богатого еврея в Регенсбурге. Трапезы в будни и праздники. Влияние мистики на домашнюю жизнь евреев. Статус женщины. Христиане в услужении у евреев.*

Israel Abrahams, *Jewish Life in the Middle Ages* (1896)

...Сердце мужа ее было уверено в ней, она кормила его и одевала его, дабы он сидел со старейшинами земли [...] Все время она была с ним [...] Пряла нить для филактерий, свитков и книг. Она была быстра как олень, готовя детям и исполняя волю учеников [...] Она сшила около сорока свитков Торы [...] и наряжала невест, омывала мертвых и шила им саваны. Ее руки чинили одежду учеников и чинили порванные книги. Она открывала ладонь свою бедным и давала еду сыновьям, дочерям и мужу. [...] Она открывала уста свои с мудростью и знала, что запрещено и что разрешено. В субботу она сидела, вопрошая мужа своего и впитывая его слова. Мудры были ее слова, [...] когда она покупала молоко для тех, кто учился, и нанимала учителей на заработанные ею деньги. Она навещала больных, кормила сыновей своих и уговаривала их учиться [...] Она с радостью выполняла волю мужа и никогда не сердила его.

[Старшая дочь] выучила все молитвы и мелодии от своей матери. Она была набожной и мудрой, красивая дева. Она стелила мне постель и снимала с меня сапоги каждый вечер. [...]

[Младшая дочь] каждый день произносила *Шма Исраэль* [...] она умела прясть, шить и вышивать и развлекала меня пением.

Элеазар б. Йегуда (Рокеах), Плач на смерть жены и дочерей (1196)

Обычай, принятый в большинстве мест, не кажется мне допустимым: женщина сидит в синагоге с мужчинами и они обрезают ребенка на ее коленях. И даже если ее муж – моэль, или ее отец или сын, не подобает, чтобы эта почтенная женщина находилась [в

помещении] вместе с мужчинами и в присутствии Шхины [...] в особенности потому, что ей не заповедано обрезать, даже собственного сына, ибо сказано: «как сказал ему Бог» (Быт 17:23) — «ему», а не «ей». А если так, почему они обрезают на ее коленях? Так они [женщины] похищают эту заповедь у мужчин. И кто может противостоять этому, должен противостоять, и кто действует строго в этом случае, да будет благословен. Меир бен Барух.

О том, что написал мой учитель. И хотя я вопиял об этом много дней, никто не обращал внимания. Ибо это омерзительно. И даже хотя они заняты [исполнением заповеди], их мысли блуждают [...] Разве зря женское помещение в синагоге отделено? Посему это становится заповедью, исполняемой во грехе [...] и каждый, кто боится Господа, должен покинуть синагогу, чтобы не выглядеть сообщником грешников.

Шимшон б. Цадок, *Сефер Таибец*

В некоторых местах домочадцы матери бодрствуют на протяжении семи ночей после рождения мальчика или девочка, а бодрствование накануне восьмого дня распространено везде, в эту ночь поют и танцуют.

Аарон из Лунеля, Прованс, нач. XIV в.

Одели дитя в белую и чистую одежду, и пришли много девушек и других женщин играть <на музыкальных инструментах> и танцевать в седьмую ночь.

И пришли туда девушки и другие их родственницы и играли в бубны и ели много фруктов и проводили там *hadas*.

На седьмую ночь после рождения дитяти (*la criatura*) ставят горшок с водой и бросают туда золото, серебро, жемчуг, пшеницу, ячмень и другое, и моют в нем ребенка, произнося определенные слова, и это называют *hadas*...

*Hadas, hadas*, добрые *hadas* да придут к тебе!

Из материалов инквизиционного трибунала в Сьюдад-Реале (кон. XV – нач. XVI в.)

В ночь перед обрезанием как благодетельно было бы читать [отрывки из Библии и Талмуда о воскурениях в Храме] вместе с псалмами Давида подле стула Элиягу... В отличие от тех, кто проводит эту ночь в веселии, мужчины и женщины, старые и молодые. Посмотри, каков был обычай у прежних поколений, кто ни на минуту не отрывался от учения в ночь перед обрезанием, как видно из *Зогара*.

Аарон Берехия из Модены, *Маавар Ябок* (1626)

Обычай состоит в том, что, когда у человека рождается мальчик, возбужденный шум доносится из его дома всю ночь накануне обрезания. Ибо отец собирает своих друзей и родственников, чтобы показать свое величие и богатство, и с радостным сердцем они угощаются вкусностями, сколько им угодно, еще хуже, чем делали их отцы. Они пьют дорогое вино из изящных кубков и, вместо того чтобы читать молитвы, восхваляя и благодаря Бога, с горящими лицами поют развратные песни. Они занимаются пустыми и смехотворными делами, молодые и старые, женщины и дети. Некоторые танцуют – молодые люди и девушки вместе, произнося непристойности и греша в сердце своем, в то время как другие дают выход низменным страстям своих душ, пьют, чтобы забыть о своей крайней нищете...

Из статута братства пророка Элиягу (Рим, 1727)